

**Рефлексия
по поводу книги А. В. Соколова «Философия информации»**

Рец. на кн.: Соколов А. В. Философия информации. Проф.-мировоззренческое пособие / А. В. Соколов ; фак. информ. технологий и медиадизайна; С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств ; М-во культуры РФ. –С.-Петербург : СПбГУКИ, 2010. – 363 с.

Очередная книга А. В. Соколова посвящена давней и наболевшей проблеме определения феномена информации. Тема для А. В. Соколова далеко не новая, я бы сказала, – магистральная для его научных изысканий. В 1966 г. он, поднимая вопрос о кризисе информации, вопрошал: «Когда же мы сможем отдать себе отчет, что же мы все-таки знаем?» [15], а в 1988 г. подвел итоги изучения информации, опубликовав статью «Информация: феномен? функция? фикция?» [16], в которой дал блестящий обзор развития концепций информации и определил информацию в качестве базового понятия информационного подхода. Уже тогда были заложены краеугольные понятия философии информации, которая сегодня предстала перед нами в виде развернутого и очень убедительного повествования о генезисе и познании информации, о ее природе и сущности, а также об определении места нового научного направления – философии информации – в системе научного и философского знания.

В новой книге А. В. Соколов подводит итоги многолетних дискуссий о природе и сущности информации, начиная со времен Платона и Аристотеля, и представляет авторскую концепцию понимания чрезвычайно сложного и многоликого явления «информация». Однако значение этой книги не только в обзоре существующих подходов и взглядов на информацию, и даже не в том, что мы имеем очень компактный, но очень насыщенный текст, в котором достижения многих и многих отечественных и зарубежных исследователей связаны в цельное учение об информации. На мой взгляд, самое ценное в том, что А. В. Соколов действительно обосновал необходимость и реальность существования нового философского течения, которое позволит «подложить» (подвести) единую основу под изучение информации представителям разных наук. В связи с этим возникает вопрос, почему результаты аналитико-синтетической переработки огромного массива литературы и собственных размышлений А. В. Соколов назвал «философией»? Думаю, что это связано с тем, что сейчас многие считают: «философия – особая форма мыслительной деятельности, отличная от науки» [17. С. 280].

Сегодня философия претендует на роль методологического основания в области научной деятельности и на роль посредника между науками, обыденным сознанием, религией, искусством, мифологией. А. В. Соколов, обладая познаниями в искусстве, мифологии и в различных науках, может позволить себе такую роскошь – пофилософствовать. И только философствования позволили ему достигнуть цели написания этого труда – объединить интуитивные ощущения и уже существующие знания и выработать интегративные подходы к изучению феномена *информация*. Безусловно, цель книги достигнута, хотя, наверняка, это только начало большого пути по развитию философского учения об информации.

Наука развивается по своим законам, но это всегда совокупный результат деятельности отдельных ученых и научных сообществ. Нередко научные достижения вызревают во внутренних конфликтах ученого со своим «Я», через исправление самого себя, и для ученого очень важно уметь проходить эти интеллектуальные, психологические и этические лабиринты и достигать результата.

Новые научные результаты часто добываются не в одиночку, а могут быть получены только при проведении дискуссий со своими коллегами, и потому почти каждая серьезная научная работа открывается обширнейшим обзором научных текстов, оценкой сделанного ранее, сопоставлением своих идей со взглядами других ученых. Продвигаясь вперед в научном познании, очень важно выбрать правильный тон дискуссии, где-то уместен научный сарказм, но чаще всего гораздо более конструктивно продемонстрировать уважение и признание заслуг своих предшественников и коллег по цеху. А. В. Соколов – образец использования именно второго варианта подготовки научных обзоров.

Представленная книга еще раз иллюстрирует эти способности автора. Она открывается посвящением Р. С. Гиляревскому, достойнейшему из научных мужей нашего времени, а далее – пример уважительного отношения к научным поискам своих предшественников и своих современников А. В. Соколов демонстрирует на каждой странице. Его книга – образец умения вести научные споры; автор обладает таким уровнем интеллектуальной культуры, который достижим для очень немногих из современных ученых.

Нам, представителям наук документально-коммуникационного цикла, нужно быть самокритичными, и потому необходимо сказать, что мы редко доходим до обобщений общенаучного уровня и еще реже «добираемся» до уровня философствования, тем важнее для нас получить философское знание, «добытое» нашим собратом, знающим проблемы наших наук и владеющим понятийным аппаратом этих наук.

Во вступлении А. В. Соколов объясняет, что книга носит название «Философия информации» из-за сложности, актуальности и фундаментальности ее проблематики, а также обосновывает выбранную им структуру. Первые главы книги содержат аналитический обзор трактовок информации в разных отраслях знания.

До настоящего времени основные достижения познания информации в основном были получены абстрактно-логическим способом, т.е. путем научного мышления. В начале четвертой главы А. В. Соколов, рассказывая о разных подходах к изучению информации, ссылается на авторитет главы Марбургской школы – немецкого профессора Германа Когена, который абсолютизировал абстрактные рассуждения и среди адептов которого был Борис Пастернак: «Я полагаю, что Г. Коген одобрил бы изучение информации не феноменологическим, а абстрактно-логическим путем, то есть не путем философской рефлексии, а путем научного мышления» [17. С. 278]. Но А. В. Соколов, отдавая должное Г. Когену, не согласен с ним: по его мнению, абстрактно-логический способ смог обеспечить только «первое приближение к постижению сущности информации на уровне логических обобщений».

Такое первое приближение к сущности первого порядка осуществлено общими стараниями ученых разных отраслей: кибернетиков, математиков и информатиков, философов, культурологов и лингвистов, документоведов, библиотекведов и библиографоведов, биологов, психологов и педагогов. Их совместными усилиями создано учение об информации, в котором в качестве самостоятельных частей выделены обобщающие информационные метатеории, мегатеории и даже гигатеория. По оценке А. В. Соколова, часть ученых иногда успешно и корректно, а иногда некорректно и спекулятивно использовали информационный подход к познанию объектов изучения своих отраслевых наук, но при этом происходило обогащение новым знанием не только этих наук, но все расширялось и расширялось предметное поле научной информатики.

Несмотря на достигнутые успехи, всеобщая природа информации к началу XXI в. не была выяснена, и место информации среди атрибутов бытия не было установлено. Неудача, по мнению А. В. Соколова, детерминирована ограниченностью позитивистской и иной методологии, использованной его предшественниками. У меня родилось такое сопоставление: ледоруб хорош для преодоления препятствий из льда, но при преодолении водной стихии он фактически бесполезен, нужны другие средства, другой инструментарий, хотя вода и лед по составу – одно и то же. И все-таки возражу автору замечательной книги об информации и скажу несколько слов в защиту абстрактно-логического способа познания мира, т.е. познания путем научного мышления.

Именно через абстрактное научное мышление, процедуры которого концентрированно выражены в системном и информационном подходах, в концепции основных структурных уровней, в использовании метода восхождения от абстрактного к конкретному и написана моя докторская диссертация «Общедоступная библиотека в информационном пространстве: теоретико-методологические основания». Изучая информационное пространство, я не могла избежать обращения к феномену информации, который рассмотрен как результат одновременного протекания процессов отражения реальности, формирования смысла и обозначения его через какой-либо знак (жест, звук, изображение, слово и т.д.).

Так, в книге, изданной в 2005 г., я писала: «У информации двойственная природа. Информация, как продукт отражения сознанием какой-либо реальности, обладает свойством идеальным (то есть созданным сознанием): таковым является ее содержание, смысл. Информация как феномен физический имеет материальную форму (сигнала, знака)» [2. С. 16.]. Идеальный образ возникает как отражение материального явления окружающей среды и воспринимается через материальное волно-звуковое воспроизведение (вскрик, устная речь) или через фиксированный знак на каком-либо носителе (письменная речь, изображения) [4. Гл.

1.]

Мной рассматривалась только информация, создаваемая человеком в социуме, и для ее названия не использовалось сочетание «семантическая информация», я говорила о социальной информации, теория которой, как я теперь узнала из книги А. В. Соколова «Философия информации», фактически переросла (соединилась) теорию семантической информации. Наверное, поэтому для обозначения явлений вторичной информации, передающей смысл первичной информации, уже в 2005 г. я интуитивно использовала понятие вторично-семантической информации как информации, вторично воспроизводящей уже известный смысл [2, 4–6]. Такое понимание информации позволило мне и далее говорить о двойственности и одновременной противоречивости всех явлений, порожденных феноменом информации, т.е. об их амбивалентности, и сделать еще один важный вывод о метаморфизме всех информационных явлений [6], а не только о метаморфизме библиотек, как говорил Ю. А. Гриханов [8].

Это умозаключение о распространении метаморфизма на все явления, связанные с информацией, сегодня я могу объяснить, опираясь на вывод А. В. Соколова о том, что в микрокосме (субъективной реальности, которую в своей работе я называла индивидуальным информационным пространством), в социальной реальности (по моей терминологии – в социальном информационном пространстве) и в духовной реальности господствуют духовные смыслы, которые выражает один и тот же тип информации – семантическая информация [17. С. 242]. Именно семантическая информация, функционирующая в разных реальностях, по желанию ее создателя-человека – обретает разные лики и в значительной степени обеспечивает многообразие и многомерность окружающего нас мира. Это один из самых важных выводов, который я сделала при изучении информации.

Экскурс в мои прошлые работы сделан для того, чтобы молодые исследователи понимали, что познавательные возможности абстрактного научного мышления далеко не исчерпаны, а результаты, полученные при использовании общенаучных методов, вполне убедительно могут встать вровень с результатами философской метафизики. Считаю, что это необходимо усвоить молодому ученому в период его становления.

В своем пособии А. В. Соколов говорит о рациональной, или теоретической, метафизике, используя значение термина *метафизика* как синонима философии, и в этом случае метафизика противопоставляется конкретно-научному знанию. Но в моем понимании, возможно из-за того, что я выросла на традициях диалектики, понятие *метафизика* существует как обозначение метода познания, противоположного учению о развитии. Метафизика в этом случае является философией, «абстрагирующей при создании теоретических моделей мировоззрения от идеи развития всеобщего, необходимого и первичного свойства у всех явлений и процессов (как материальных, так и духовных)» [10. С. 130].

Убеждена: явление «информации» развивалось вместе с человеком, в значительной степени определяя возможности развития индивида и общества. Это убеждение подвигло меня на теоретическое воспроизведение генезиса информационного пространства, которое было изначально сформировано первочеловеками и созданной ими информацией, затем прошло долгий путь эволюции в социуме. В рамках социального пространства информация и производные от нее явления развивались и демонстрировали свои различные свойства и удивительные взаимопереходы, т.е. метаморфизм.

В начале первой главы А. В. Соколов оценивает уровень проникновения в явление «информация» учеными, использующими познавательные общенаучные технологии, так: «понятие информации приобрело статус не просто междисциплинарной категории, а *почти* философской категории» (курсив мой. – Т. Б.) [17. С. 20]. Вот в этом «почти» и сосредоточены потенции для написания двух следующих глав пособия, в которых автор осуществил второе приближение к постижению сущности информации на уровне метафизики. Третья глава – центральная в книге, в ней сгруппированы взгляды ученых на информацию, которые формировались на основе эпистемологии, и рассматривается информация с точки зрения философского учения о бытии (онтологический аспект).

Четвертая глава последовательно разворачивает структуру философского знания, посвященного языку, книге, науке, технике, массовой коммуникации. Здесь еще раз рассмотрены позитивистские теории и названы метафизические версии философии информации, обозначены ее актуальные проблемы. Эта глава постановочная, в ней А. В. Соколов ставит «правильные вопросы», выполняя основную миссию ученого и приглашая к исследованию феномена информации представителей разных научных течений и воззрений.

Автор признает, что наивно рассчитывать на всеобъемлющий охват в одном издании всех аспектов нового научного направления философии информации, вне рассмотрения остались вопросы аксиологии, этики и эстетики информации. Эта глава освещает гносеологические аспекты учения об информации.

Заключение книги – предельно лаконично, содержание каждой главы сведено до полустраничного или страничного абзаца, несмотря на такую краткость, автору удалось еще раз не только вернуть читателя к содержанию книги, но и обратить его внимание на антропологические проблемы, на важность взаимосвязи научных открытий и этических вопросов, среди которых и вопрос о «союзе интеллигентности и информатизации» [17. С. 362].

Мои сомнения и размышления, порожденные чтением книги А. В. Соколова, вызваны в первую очередь желанием понять, как этот труд повлияет на дальнейшее развитие библиотековедения, библиографоведения и книговедения. Беспокойство о будущем этих наук заставило меня проецировать основные выводы книги на возможности коррекции уже достигнутых результатов. Я постаралась взглянуть на пособие А. В. Соколова как на источник эпистемологических знаний, которых явно не хватает нам, изучающим документальную коммуникацию.

Работ, содержащих методологический анализ наших наук, чрезвычайно мало. Назову книгу О. П. Коршунова «Библиография: теория, методология, методика» [9], где он, по существу, описывает метод восхождения от абстрактного к конкретному как одну из процедур системного подхода применительно к библиографоведению; лекцию о методологии науки Ю. Н. Столярова [21] и пособие И. Н. Басамыгиной [1], в котором предпринята попытка разобраться с методологией общего библиотековедения и проанализировать возможности использования позитивистского, структуралистского и диалектического подходов в экономике библиотечного дела [1. С. 6–32].

Разбираться в хитросплетениях научных течений, подходов и методов меня вынуждает необходимость чтения лекций для аспирантов по методологии науки вообще и наших наук документально-коммуникационного цикла в частности. Я жадно отыскивала в тексте А. В. Соколова строки, определяющие отнесенность теорий книговедения, библиотековедения, библиографоведения к классическим, неклассическим, постнеклассическим или каким-либо другим наукам. Этим материалом книга чрезвычайно богата. Я узнала, что современное российское библиотековедение так и не дотянулось до корректного использования информационного подхода, что книговедческая концепция Г. Н. Швецово-Водки выросла до уровня неклассической теории, что переход отечественного библиографоведения от эмпирического знания к теоретическому произошел благодаря работам А. И. Барсука, О. П. Коршунова, но только последнему удалось достичь различения онтологических и гносеологических ипостасей при использовании корректной информационной методологии в библиографоведении, что работа Т. А. Новоженовой – пример использования наивно-позитивистского синергетического подхода в библиографоведении, а информациологическое учение И. И. Юзвизиной даже мудрейший А. В. Соколов не смог проклассифицировать, оставшись в раздумьях: то ли это лженаука, то ли псевдонаука.

Разрабатывая гносеологические аспекты проблемы определения феномена «информация» и обобщая мнения ученых на этот предмет, А. В. Соколов параллельно излагает свой взгляд на понятия *философская категория, общенаучная категория, частнонаучная категория дисциплины*. Подобных высказываний и обобщений, связанных с различными эпистемологическими новациями, на страницах учебного пособия много, и потому его прочтение обогатит и любого молодого исследователя, и уже седовласого ученого, потому что дар овладеть смыслами из разных отраслей знания дан очень и очень немногим, и еще меньше тех, кто готов к многотрудному прохождению по тропам «не своей» науки.

В третьей главе, где сосредоточены основные открытия автора, можно прочесть об амбивалентности информации, которая разрешает проблему ее онтологии, увидеть взаимосвязь типов реальности и типов информации, соотношение информации, знания и смысла, но, главное, – здесь вскрыто истинное содержание информации, т.е. ее природа и сущность, на основе философских воззрений, дана критика натуралистического подхода к явлению информации и «переплавлено» невероятное количество философских, культурологических, книговедческих, психологических, неклассических, классических, постклассических, постпостклассических и постнеклассических концепций, в которых явно или скрыто рассматривался феномен информации.

Вступать в полемику с А. В. Соколовым очень сложно, я этого и не делаю, а только размышляю и позволю себе привести еще несколько высказываний, связанных с осмыслением прочитанного. Все сказанное ниже – чистая рефлексия, т.е. размышления, полные сомнений. И сомнения эти вызваны известной дискуссией по поводу феномена «документ», в которой участвовали А. В. Соколов и Ю. Н. Столяров. Наши мэтры умеют выражать свои мысли ярко, образно, афористично. Судите сами. А. В. Соколов утверждает: «...писаное вилами на воде документом не считается» [18]. Ю. Н. Столяров парирует: «Документу – альтернативы нет» [19. С. 41].

Такое противостояние вновь возвращает нас к необходимости найти критерий отграничения явлений документальных от недокументальных. Насколько мне помнится, этим научным приемом в документографических теориях первым воспользовался О. П. Коршунов. Он ввел критерий отграничения библиографических и небиблиографических явлений и сделал это на основе определения библиографической информации [9. С. 53].

Исходя из этого примера удачного решения научной задачи, приведу определения понятия *документ*, сделанные нашими классиками. А. В. Соколов наиболее четко выразил свои позиции в общей теории социальной коммуникации: «Документ – это стабильный вещественный объект, предназначенный для использования в социальной смысловой коммуникации в качестве завершеного сообщения». Далее он обращает внимание на отличительные признаки документа, среди которых называет наличие смыслового содержания, стабильную вещественную форму, предназначенность для использования в коммуникационных каналах, завершенность сообщения [18.]

Ю. Н. Столяров вопросу определения документа уделил очень много внимания [19, 20 и др.]. Он полемизирует с очень многими авторами публикаций о феномене «документ», анализирует тексты законов, дающих дефиниции *документ* или *документированная информация*. Начиная анализ с самого широкого определения документа как любой записанной информации [20. С. 271], и выявив субстанциональный и функциональный статусы документа, он предлагает две формулировки: «Документ – семантическая информация, созданная человеком специально для обеспечения социальной коммуникации и зафиксированная любым способом на любом носителе» и «Документ – информация, зафиксированная на вещественном носителе способом, созданным человеком, в целях ее передачи во времени и/или пространстве и предназначенная для использования в качестве единицы в документальном (семантическом) процессе» [Там же. С. 272–273].

Разногласия между известными учеными выяснились при рассмотрении феномена «электронный документ», который, по Ю. Н. Столярову, может быть «диахронным» или «синхронным», т.е. существующим только в момент воспроизведения. Ю. Н. Столяров понимает, что отличие обычного документа от электронного, воспроизведенного на экране, кроется в средстве записи, в электронном документе запись сделана энергетическим способом, в традиционном – вещественным. Но Ю. Н. Столяров считает, что время существования фиксированной информации и способ записи – непринципиальные основания для определения явления «документ», более существенными признаками он считает наличие семантической информации, зафиксированной на любом носителе, и ее использование в коммуникационном процессе, и потому вполне правомерно существование термина *электронный документ* для сообщений, существующих в Сети.

Эта точка зрения поддержана многими представителями библиотечной науки и практики. Такой подход зафиксирован в ГОСТе 7.83–2001 «Электронные издания», и этот подход – основание для возникновения электронных библиотек, электронного библиотековедения, электронного фондоведения [3, 7, 11, 12]. Всерьез обсуждаются проблемы развития электронной библиографии [13, 14], и я думаю, что именно этот подход позволяет использовать многие достижения традиционного библиотековедения и библиографоведения в условиях новой информационной среды.

А. В. Соколов думает иначе. В своей новой книге он снова называет три рода социальной коммуникации: устная – непосредственное межличностное общение; документальная – общение, опосредованное искусственно созданными документами в виде книг, рукописей или материальных символов; электронная – общение, опосредованное электронными техническими средствами (радиотехника, телевидение, компьютерная техника) [17. С. 190]. Электронную коммуникацию он называет «новейшим видом социально-культурной коммуникации, включающим широкий круг коммуникационных каналов, основанных на приводной и радиосвязи, магнитной и оптической записи». [Там же. С. 230].

Если придерживаться точки зрения А. В. Соколова, то мы должны признать существование наддокументального уровня информационного пространства и искать другие *недокументальные* основания для выявления закономерностей формирования библиотек, их фондов, библиографической информации и поискового аппарата в электронной среде. Как же быть? Достижение консенсуса по этому вопросу крайне важно для развития библиотечно-библиографической науки и практики. Этот вопрос должен быть обсужден снова и, может быть, не единожды, а решение его может быть найдено только в случае общепризнанной формулировки определения информации, функционирующей в электронной среде. Надо заново искать критерии отграничения документальных и недокументальных явлений, вновь возвращаться к дефиниции документа, искать определение той информации, которая функционирует в сетях, блогах, сайтах, порталах.

В своей новой работе А. В. Соколов использует понятие *машинная информация*, ее разновидность – электронная информация. Машинную информацию он определяет как «артефакт (изделие), предназначенный для телеуправления техническими объектами и имитации по алгоритмическим программам семантических процессов» [17. С. 257]. Артефакт существует в техносфере, его область бытия – материальная культура, его изучает компьютерная информатика, объектами информирования являются прием, обработка, хранение, передача информации [Там же. С. 243–244]. По этим цитатам мы видим, что ряд характеристик машинной информации очень близки к описаниям документа (обработка, хранение, передача).

Подробно перечисляя субстанциональные свойства машинной информации, которые характерны для разных её типов, А. В. Соколов говорит о *знаковой форме* машинной информации и ее принципиальное отличие от семантической информации видит в их родовых характеристиках. Первая порождена разумом человека, эмоциями и волей, вторая – искусственный продукт технологических умений человека [17. С. 255–256]. Так как различия во взглядах на вопрос о сути коммуникационных отношений в электронной среде не дают мне покоя, я с особым вниманием читала страницы, посвященные машинной информации, пытаюсь найти те зерна, из которых может вырасти «колосок согласия». И вот оно – то, что я искала: «...машинная информация и семантическая информация сочетаются друг с другом в компьютеризованных информационных системах. Возьмем для примера Интернет. Его аппаратная часть, то есть техническое, программное, кадровое обеспечение, не прозрачно, а вполне материально. Аппаратура Интернет обеспечивает хранение и передачу машинной информации, которая служит носителем информации семантической» [Там же. С. 275]. А ранее А. В. Соколов приводит цитату Р. С. Гиляревского из справочника «Электронные документы» о том, что некоторые из электронных каналов коммуникации «дополняют ассортимент документальных сообщений различными видами электронных документов» [Там же. С. 230].

Отметим, машинная информация очень часто существует в виде завершеного сообщения и используется в социальной смысловой коммуникации, а это А. В. Соколов ранее приводил в качестве основных признаков документа. К уже сказанному добавлю от себя: технологические умения, которые порождают машинную, в том числе и электронную, информацию, – тоже продукт разума человека, как и семантическая информация.

Вот те мысли, которыми я хотела бы поделиться и которые возникли у меня во время чтения книги А. В. Соколова. Но можно ли надеяться, что приведенные фрагменты текста позволят сделать следующее предположение: в определении машинной информации скрыты возможности разрешения спора об электронном документе? Очень хочется надеяться. Если нет, то необходимо использовать такой инструмент, как конвенцию, в науке. Ведь утвердился термин *информационные ресурсы*, несмотря на то, что по существу они – документальные. В науке конвенции встречаются довольно часто. Может быть, договоримся: если машинная информация – носитель семантики, ровно так же, как и другие носители (бумага, ткани, камни...), то мы можем рассматривать ее как документальную при условии существования определенных завершенных форм. Или нет? Конвенция невозможна? Текст книги не содержит прямых ответов на этот вопрос и только множит и множит сомнения по этому поводу. Теперь уже мне надо решить, «правильные ли вопросы» у меня появились после прочтения книги А. В. Соколова; если ответ: «да», то это к обсуждаемой работе добавляет еще одно достоинство.

Книга имеет подзаголовок «Профессионально-мировоззренческое учебное пособие». Во введении автор обосновывает изобретенный им жанр и подразделяет своих читателей на пассивных и активных, исходя из их отношения к информации как к средству практической деятельности или как к научному феномену. Безусловно, это ещё одна инновация от А. В. Соколова. Пока мне не были известны издания такого жанра. Куда отнести этот издательский феномен? В какой видовой ряд должна войти эта книга? Судя по названию,

это учебное издание, но, прочитав его, я, уже немолодой доктор наук, открыла для себя столько нового, что вряд ли соглашусь с таким классификационным решением. Это учебное пособие по охвату материала, по временному, географическому и другим признакам, по глубине проведенного анализа и синтеза огромного количества литературных источников, по количеству высказанных автором научных идей, без всякого сомнения, должно быть поставлено в один ряд с самыми выдающимися научными изданиями.

Так в чем же дело? Почему многоопытный А. В. Соколов, прекрасно владеющий знаниями издателя и навыками классификатора, разрушает методические подходы, сложившиеся в типологии изданий и «освященные» ГОСТом 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения»? Мне думается, выбор жанра издания связан с огромной верой автора в интеллектуальный потенциал студенчества и молодых ученых, с желанием расширить читательский адрес своего «детища», не отвратить от него тех, в ком только возгораются искры научного поиска, очень серьезным и даже иногда отпугивающим подзаголовком «монография».

А. В. Соколов остается последовательным во всем: назвав свою книгу профессионально-мировоззренческим учебным пособием, он реализует это в полной мере. В книге развернута картина многотрудного поиска истины в ответе на вопрос «Что такое информация?» и последовательно снимаются противоречия, которые ранее возникали у молодых исследователей при чтении многочисленных публикаций по теории информации. В результате у читателя формируется мировоззрение, которое трактуется как «система обобщенных взглядов на объективный мир и человека в нем, на отношения людей к окружающей их действительности,а также формируются их убеждения, идеалы, *принципы познания и деятельности*» (курсив мой. – Т. Б.) [22]. Этой же цели служат профессионально-мировоззренческие упражнения, которыми завершается каждая глава.

Я как добросовестный читатель и ученик, стремящийся познать книжную премудрость, постаралась ответить на поставленные вопросы и с изумлением обнаружила, что при первом прочтении мне не всегда удавалось ухватить все смыслы, заключенные в главах, при поиске ответа потребовалось возвращение к тексту. Создание нового жанра учебного издания характеризует А. В. Соколова как педагога-новатора, постоянно совершенствующего свое мастерство, неустанно ищущего контакт и взаимопонимание со своими учениками. Автор виртуозно владеет научным языком, который, несмотря на то, что предельно насыщен профессиональной терминологией из очень разных наук, остается легким и убедительным. Конечно, для тех, кто только шагнул в «сферу науки», читать пособие придется, пользуясь энциклопедическими изданиями или, как минимум, – словарём научных терминов или иностранных слов, но в этом тоже есть педагогическая «уловка» – для исследователя такой способ чтения должен стать нормой, и А. В. Соколов формирует его у своего читателя.

Каждую главу открывает эпиграф, в котором приводятся слова ученых и мыслителей разных стран и эпох, предельно лаконично передающие содержание последующего текста. Эпиграфы позволяют почувствовать всю сложность обсуждаемых проблем, обозначить преемственность поисков истины со времен глубокой древности до наших дней или общность научных интересов представителей разных стран.

Поэтические строчки эпиграфов очень органично входят в основное повествование, и, когда прочитываешь их, нередко напрашивается вывод, что поэзия предвосхищает некоторые научные открытия. Использование поэтических цитат, литературных образов и других артефактов из жизни искусства еще раз подчёркивает правомерность называть представленный труд *философией информации*, потому что философия обращается не только к научному знанию, но и к искусству, и к художественной литературе, и к мифологии.

Подбор эпиграфов, поэтических четверостиший, художественных образов и синтезирование результатов естественных, технических и социально-гуманитарных наук не может не восхищать. И снова, уже в который раз, убеждаемся, что настоящий ученый осваивает все интеллектуальное богатство, накопленное человечеством, и только при соблюдении этого условия на современном этапе развития науки действительно возможно совершать научные открытия.

Конечно, после прочтения книги многим из нас, читающим курсы, разработанные на основе использования информационного подхода, придется провести ревизию, внести уточнения в тексты лекций и методических указаний. Что ж, не будем роптать, ведь постоянная корректировка учебного материала – это обязанность педагога, работающего в сфере гуманитарного образования.

Порадуемся, что благодаря А. В. Соколову наше знание стало полнее, логичнее, убедительнее!

Список источников

1. **Басамыгина И. Н.** Микроэкономика библиотечного дела : науч.-практ. пособие. / И. Н. Басамыгина. – Москва : Либерей-Бибинформ, 2006. – 160 с. – (Сер. Библиотекарь и время. XXI век).
2. **Берестова Т. Ф.** Общедоступная муниципальная библиотека в едином информационном пространстве : науч.-метод. пособие / Т. Ф. Берестова. – Москва : Либерей-Бибинформ, 2005. – 285 с.
3. **Берестова Т. Ф.** И вновь – электронная библиотека / Т. Ф. Берестова // Мир библиографии. – 2005. – № 3. – С. 41–44.
4. **Берестова Т. Ф.** Информационное пространство библиотеки : науч.-метод. пособие / Т. Ф. Берестова. – Москва : Либерей-Бибинформ, 2007. – 238 с.
5. **Берестова Т. Ф.** Функции разных видов информации как основа многоуровневой структуры информационного пространства / Т. Ф. Берестова // Научно-техническая информация / Сер. 1. Организация и методика информационной работы. – 2009. – № 8. – С. 3–12.
6. **Берестова Т. Ф.** Законы формирования многоуровневой структуры информационного пространства и функции разных видов информации / Т. Ф. Берестова // Библиография. – 2009. – № 5. – С. 32–47.
7. **Берестова Т. Ф.** Электронная библиотека как инструмент создания единого информационного пространства / Т. Ф. Берестова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 4 (20). – С. 6–12.
8. **Гриханов Ю. А.** Метаморфизм библиотек и структурное реформирование книгохранилищ / Ю. А. Гриханов // Библиотековедение. – 2006. – № 5. – С. 23–29.
9. **Коршунов О. П.** Библиография : теория, методология, методика / О. П. Коршунов. – Москва : Книга, 1986. – 285 с.
10. **Лебедев С. А.** Философия науки. Словарь основных терминов / С. А. Лебедев. – Москва : Академический проект, 2004. – 316 с.
11. **Майстрович Т. В.** Электронный документ как объект библиотечного дела / Т. В. Майстрович. – Москва : Пашков дом, 2004. – 247 с.
12. **Майстрович Т. В.** Проблемы учета сетевых электронных документов / Т. В. Майстрович // Библиотечное дело – XXI : науч.-практ. сб. – Москва, 2003. – С. 137–143.
13. **Моргенштерн И. Г.** Электронная библиография / И. Г. Моргенштерн // Библиография. – 2003. – № 5. – С. 13–22.
14. **Моргенштерн И. Г.** Системная организация общедоступных библиографических ресурсов России / И. Г. Моргенштерн // Информ. бюллетень РБА. – 2005. – № 35. – С. 116–118.
15. **Соколов А. В.** Как разрешить кризис информации? / А. В. Соколов // Ретроспектива – 60 / А. В. Соколов. – С.-Петербург : Независимая Гуманитарная академия, 1994. – С. 9–10.
16. **Соколов А. В.** «Информация : феномен? функция? фикция? / А. В. Соколов // Там же. – С. 221–235.
17. **Соколов А. В.** Философия информации. Проф.-мировоззренческое пособие / А. В. Соколов ; фак. информационных технологий и медиадизайна ; С.-Петербург гос. ун-т культуры и искусств; М-во культуры РФ. – С.-Петербург : СПбГУКИ, 2010. – 363 с.
18. **Соколов А. В.** Общая теория социальной коммуникации [Электронный ресурс] / А. В. Соколов. – Режим доступа: <http://www.eartist.narod.ru/text16/071.htm>, свободный. – Загл. с экрана, проверено по сост. на

17.12.2010.

19. **Столяров Ю. Н.** «Документу – альтернативы нет» / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2000. – № 3. – С. 41–47.
20. **Столяров Ю. Н.** Онтологический статус документа и его практическое значение для библиотек / Ю. Н. Столяров // Библиотекосведение. Избранное. 1960–2000. – Москва : Пашков дом, 2001. – С. 266–278.
21. **Столяров Ю. Н.** Библиотекосведение, библиографосведение и книговедение как единая научная специальность : полный курс лекций для аспирантов и соискателей по типовой программекандидатского минимума / Ю. Н. Столяров. – Орел, 2007. – 266 с.
22. **Советский** энциклопедический словарь / ред. кол. А. Аверьянов (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Сов. энцикл., 1986. – 1 600 с.